
По возрасту давно не призывной,
Но чувствую невольную вину:
Товарищ мой прощается со мной,
Товарищ мой уходит на войну.

Туда, где степь до края сожжена,
Где солнца окровавленный клинок...
А у него молодушка-жена,
А у него кровиночка-сынوك.

Вот он ступил на огненный причал,
Свою судьбу доверил небесам...
Никто ему повестку не вручал,
Но он мужик – он выбирает сам.

Какой придётся заплатить ценой
За всё, что ныне снова на кону?
Товарищ мой прощается со мной,
Товарищ мой уходит на войну.

КОГДА ТЫ ВЕРНЁШЬСЯ...
Однажды
в родительском доме проснёшься,
Покажутся странными мирные сны,
Когда ты вернёшься,
когда ты вернёшься,
Ещё до конца не остыв от войны.

Черёмуха вновь
расцветёт над обрывом,
Развесит над речкой туман пелену...
Солдату не просто
привыкнуть к разрывам,
А после не просто принять тишину.

Поздравят с приездом,
а ты усмехнёшься –
Дорога оттуда, как память, длинна...
Когда ты вернёшься,
когда ты вернёшься,
Сестрой-неразлучницей станет война.

Укроют воронки цветы полевые,
Подсолнухи ветер устанет качать...
Когда за столом соберутся живые,
Им с мёртвыми будет
о чём помолчать.

ПОД ЛУГАНСКОМ
Март. Ещё далеко до прополки,
Но старушка идёт по меже
И в ведро собирает осколки –
Вон их сколько набралось уже!

Здесь недавно бои грохотали,
Всюду чёрные меты войны.
На зазубренном ржавом металле
Иноземные знаки видны.

Всё ты стерпишь, земляца сырая,
Как и эта вот старая мать...
Дом разрушен,
ютится в сарае
И готовится градки копать.

ГОРОД
Среди обугленного хлама
Картины призрачного быта:
Разбит снарядом купол храма,
Дорога вдребезги разбита.

Дома сгоревшие, руины,
Подбитый танк в одной из арок –
От незалежной Украины
Никем не прощенный подарок.

Мрачные войны приметы эти,
Незабываемы, поверьте...
А во дворах играют дети
И жизнь опять сильнее смерти.

Пристрелянная лесополоса.
Весенний день.
В сырых окопах люди.
Идёт война
и птички голоса
Перекрывает грохотом орудий.

Но лишь затихнет артобстрел на миг –
То тут, то там высвистывает птаха.
Какое наслажденье слушать их,
Не знающих ни усталости, ни страха!

Терпи, солдат!
Не вечно длится ночь
И Божьих птиц, как весть благуую, слушай.
Они и зло помогут превозмочь,
И оберегут от ненависти душу.

БОЕЦ
Пусть тяжела в бою броня –
Куда деваться?
Всего-то двадцать разменял,
Всего-то двадцать.

В Донбасс был призван от своих
Тверских околиц.
Но он поправил в тот же миг:
– Я – доброволец!

Виктор КИРЮШИН
Когда ты вернёшься...
Молчал на проводах отец,
В родне рыдали.
По виду
позывной «Малец»
Парнишке дали.

Вот крестик, что надела мать
На тонкой шее...
Не сладко землю обнимать
В сырой траншее,

Когда разносит всё в труху?
Война не шутка...
И он сказал, как на духу:
«Бывает жутко».

Вдруг по лицу скользнула тень.
Шутить пытался...
И я уехал в тот же день,
А он остался.

РАЗГОВОР
Автоматы, «бронники», подсумки
Да нехитрый скарб на стеллаже.
Детские наивные рисунки,
Как иконы, в каждом блиндаже.

Вот в цветах некошеное поле,
Женщина ступает по крыльцу,
Свет в окне

и это всё до боли
Дорого усталому бойцу.

Коротка на фронте передышка:
День-другой и снова надо в бой...
«Нарисуй мне Родину, сынишка,
С родниковой речкой голубой.

С той дорогой, что приводит к храму,
Где дождём размыта колея...
Нарисуй весёлой нашу маму,
Золотая доченька моя».

Автоматы, «бронники», подсумки –
Для бойца давно привычный быт,

А когда посмотрит
на рисунки,
Будто бы с детьми
поговорит.

В ГОСПИТАЛЕ
На войне, как на войне.
Помоги нам, Божья матерь!
Вот пацан
лицом к стене
Третий день лежит в палате.

После боя у реки
Друг тащил по кромке луга.
Выжил...
Правда, без руки
И того страшней – без друга.

Выждал снайпер в ковыле –
Встал боец неосторожно...
Жить без друга на земле,
Без такого, невозможно.

Невозможно, в этом соль,
Без него брести по свету...
И сильнее в сердце боль,
Чем в руке,
которой нету.

ПОЗЫВНЫЕ
В рост ещё не встала вся Россия
Свору бить, сошедшую с ума,
Но звучат в эфире позывные –
«Барнаул», «Калуга», «Кострома».

Мы не затевали эту драку,
А случилась –
твёрже, чем кремьень,
Встали рядом
и идут в атаку
«Кемерово», «Астрахань», «Тюмень».

Враг у нас коварный и серьёзный
Подлый враг.
Такие, брат, дела...
Боевому позывному «Грозный»
Поскорей ответь, «Махачкала»!

Не сдадутся чёрной вражьей силе
Русские высокие слова:
Позывной незыблемый – Россия,
Позывной немеркнувший – Москва...

ЭСЭМЭСКА
Жизнь военной стала как-то резко.
Тяжела разлука, но терплю.
Много ли расскажет эсэмэска?
«Жив, здоров, скучаю и люблю».

Журавли над нами протрубили,
Льёт в траншее талая вода,
А у вас в заснеженной Сибири
Не ослабевают холода.

Птицами у нас полна округа,
Щебет их спасает от тоски...
Как же далеко мы друг от друга!
Как же мы отчаянно близки!

Милая, хотя бы только взглядом
Дотянуться до родных краёв.
Пусть на миг,
но вновь услышать рядом
Лёгкое дыхание твоё.

Снова бой гремит у перелеска.
Нам туда... Пиши... Не тороплю...
В небеса уходит эсэмэска:
«Жив, здоров,
скучаю и люблю».

КРАСОТА
Неправда, что солдат
Не видит на войне
Живую красоту
В заложниках у смерти:
И яблоня в цвету
Милей ему вдвойне,
И бабочка на бруствере,
Поверьте!

Весь дивный этот мир,
Где в роще соловей
И робкие цветы
Вытягивают шеи...
Скажи, куда ползёшь,
Трудяга-муравей,
По гильзе золотой
На краешке траншеи?

Чувствительнее слух
И зрение острей,
Когда огонь вокруг
И ты стоишь у края,

А в небе журавлей
Глаза отыщут вдруг
И крик их долетит,
У сердца замирая.

Неправда, что солдат
Не видит красоту,
Когда душа полна
Лишь яростью святою.
Сумей, ожесточась,
Не перейти черту
И в самый тяжкий час
Спасёшься красотой.

ЛЕС НА ЛИНИИ ФРОНТА
От крови здесь
весна красна,
Неведом ей покой.
Качает старая сосна
Простреленной рукой.

Темна кора, а плоть бела –
Изранен чудный лес
И золотистая смола
Слезой течёт с небес.

*Москва – Луганск – Кременная,
март-апрель 2023*

Остался цирк. Он в городе полгода.
Артисты голодают в тишине
И принимают пищу от народа,
Чтоб прокормить животных.

На стене
И клоунам давно не до детей –
Метут проспекты вопреки харизме,
Чтоб накормить талантливых зверей.

...Уже зима. Но цирк на том же месте.
По снегу ходит поседевший лев.
Под гривою висит блестящий крестик,
Как символ Божьей веры на земле...

КАРТОШКА
В седьмом поту картошку я сажал,
Окучивал, копал. С тоской на велик
Смотрел. Но собирал я урожай.
А дед за мной подкапывал, не верил.

Дмитрий ФИЛИППЕНКО

Подземный космос тоже по плечу...

БАРАК
Я помню деревянный свой барак,
Посёлок Дачный. Детства акварели.
Трещало время, цвёл в стране бардак...
И как за десять лет мы не сгорели?

Троллейбусы шуршали за окном,
Наш дом трясло, но мы не замечали.
Сосед за стенкою по кличке Гном
Повесился от горя и печали.

Я вырос, у меня давно семья,
Своя квартира, во дворе осины...
Но помню, у дороги плакал я –
Сносили детство, мой барак сносили.

ДЕВЯНОСТО ПЯТЫЙ ГОД
Я хороший, день плохой.
В плееере играет Цой.
Девяносто пятый год.
Задыхается завод.

Я подстриженный под бокс.
Спит в розетке Фумитокс.
Под зарплату рис, мука,
Сахара по три мешка.

А в деревне огород.
Баба ждёт, и деда ждёт.
Каждый вечер пироги
И рыбалка у реки.

Девяносто пятый год.
Загибается народ.
Чёрно-белая страна...
Без деревьев нам хана!

СНЕГА
А в детстве по ночам цветут снега,
Ложатся на лохмотья тротуара.
Компот – на дне стакана курага,
Деревни воздух, повести Гайдара.

Следил за нами справедливый дед,
Чтоб с братом мы

не брали в руки спички.
Мы – каждый – гнали свой велосипед
И уезжали к чёрту на куличики.

По вечерам окрошка и кино,
Зелёный чай и шоколада плитка.
Я всё равно вернулся в деревню! Но
Закрылась в детство старая калитка.

СТАРИК
Плыла ленивой рыбою река
Вдоль берегов черемухового ситца.
В деревне хоронили старика –
В гробу закрытом, чтоб не заразиться.

Семья не посмотрела на него
В последний раз,
и не смогла проститься.
Они тогда не знали одного –
Что тело перепутала больница.

Лежит в палате дед. Ещё живой!
И не найти виновных в круговерти.
Вручив жене свидетельство о смерти,
Её случайно сделали вдовой.

МЕЧТА
Когда мне было восемь лет
И я хотел быть гитаристом,
Отец готовил мне омлет
И называл большим артистом.

Любил я песни Кузьмина,
Был микрофон, точнее, плойка,
Была гитарой для меня
Коричневая мухобойка.

Ночами детскими мечтал,
Что я в Москве пою на сцене,
Что группу назову «Портал»
И что Кузьмин её оценит.

С тех пор прошло немало лет,
Я стал шахтёром и поэтом.
Жена готовит мне омлет,
Но нет мечты, и папы нету.

Я написал тебе крамольный стих.
Не делай вид,

что ты меня не слышишь,
Когда гора сползает с плеч моих,
А поцелуй вкусней, когда на крыше.

Мне закрывала радугу зрачков
Липовая вуаль твоих затмений.
Мне не хватало розовых очков –
И я вставал на снег и на колени.

Услышь меня, как бурю в пустоте,
Люби меня в спокойствии и в шоке.
В избытке полюби и в нищете –
Целуй меня в мои седые щёки.

Седое время словно тёплый свет
Ложится на продоргошие деревья.
Мы с электрички. Нас встречает дед,
И мы летим в студёную деревню.

В санях солома, старенький тулуп.
Укутаюсь в него, чтоб не замёрзнуть.
А бабушка уже готовит суп,
Пельмени варит, всё у ней серьёзно.

Промчались тридцать
деревенским зим,
Продали дом – живут теперь другие.
Но снится мне: по снегу мы скользим,
И не напысь я этой ностальгией.

Трудились до последнего луча,
Хоть с братом были мы и раздолбай.
«Таскаем в погреб!» –
дед Митяй кричал.

А это значит, спины разгибаем.

Картофельная кончилась пора.
Теперь я не сажаю, не копаю.
Деревня снится каждое вчера,
Но я теперь картошку покупаю.

Я вглядываюсь снова в темноту.
И солнцем не напыюсь...
Судьба шахтёра.

Когда-нибудь на пенсию уйду.
И станет шахта для меня Матёрой.

Семнадцать лет бреду в своей тени
По штреку жизни и без остановок.
И на-гора меня выводит нить.
Глубокий сон. А утром всё по новой.

Остановите шахту, я сойду.
И пересяду в мир с другою болью.
Но разрезаю светом темноту,
Размешивая штыб с инертной пылью.

В Сибири дождик пахнет черемшой,
Немного сеном, вредною крапивой.
И на душе свежо и хорошо.
Не запретишь в Кузбассе жить красиво.

Шахтерской лампы негасимый свет
Щекочет нежно пятки небосвода.
Хочет дождь, его смешнее нет,
В Сибири дождь теплой и слаще мёда.

Дождь спрятался, проснулась тишина.
И заиграли радужные рыбки.
На солнышке родная сторона,
И светятся шахтёрские улыбки.

Когда покой и тишина
Вползает в шахту в пересменок,
Выходит смелая шлана
Из сумрака седого плена.

По штреку ищет колбасу,
Остатки сала и конфеты.
И в осланцованном лесу
Читает свежие газеты.

Но только первые шаги
Коннутся почвы возле лавы,
Шлана залезет в сапоги
Истертые, боясь облавы.

Идёт по шахте человек,
Как будто в ней живёт.
И путь его длиною в штрек
Закончился вот-вот.

Свернёт на путевой уклон
И выйдет на-гора.
Стране свой первый миллион
Он выдал в шесть утра.

Идёт герой по ламповой –
Счастливым человек.
Он бригадир, он деловой,
Но жизнь длиною в штрек.

А в шахте зреет виноград –
Счастливым человек.
Он бригадир, он деловой,
Но жизнь длиною в штрек.

Кормиться светом настоящим.

Легла инертная мука.
Зима на шахтном континенте,
Но виноградная река
Бежит по сороходной ленте.

Бежит во власти куража,
И пахнет угольной ванилью.
И благодатный урожай
Плывёт под виноградной пылью.

Гнётся к воде загорелый рассвет,
Словно небесный телёнок.
Тянется времени прожитый след
Из васильковых пелёнок.

Таёт в реке облепиховый свет,
Переливается с вишней,
Иети меж сосен ползёт силузт,
Ежики снежные вышли.

Ели уснули в зелёной нуге,
Пахнет травой земляничной.
Как же уютно в сибирской тайге,
Сказочно и гармонично.

Подземный космос тоже по плечу,
Светильники мерцают словно звёзды.
Начальники по фамилии Ткачук
Во всей вселенной сотрясают воздух.

Бурление космической реки,
Но не бывает здесь погоды хмурой.
Шахтёры – это значит мужики
Без пафоса, без шоу и гламура.

А дома жёны держат кулачки,
Подземных космонавтов ждут с работы.
И в космосе летают светлячки,
Роскосмос им не запретит полёты.

г. Ленинск-Кузнецкий

Когда закат в окне алеет,
Блажен, кто знает наперёд:
Душа, конечно, не стареет,
Но временами устаёт.

ТАК НАДО
Спросите русского солдата:
«Зачем опять идёшь ты в бой?
Зачем рискуешь вновь собой?»
Он просто скажет вам: «Так надо».

И потеряется в дыму
От всех прицелов перекрестий.
Вопрос «А надо-то кому?»
Здесь неуместен...

Чем оправдаюсь перед Богом,
Когда настанет мой черёд?
«Прости, я грешен», – это много.
Скажу: «Я – русский». Он поймёт.

Немой вопрос в глазах жены
Мерцает, как мираж в пустыне.
Полны иль опустошены
Все дни тревогою о сыне?

Никак, никак не разберу,
Почти теряя чувств палитру,
Ручкой, танцующей к перу,
Скажешь, крещусь, шепча молитву...

Есть окопная правда,
Остальные все – прочь!
У погибнувших завтра
Впереди ещё ночь.

Пусть им крепко поспит,ся,
И в последнем их сне
Пусть им детство притнится
Или сад по весне...

САМОМУ СЕБЕ
Не надо со всеми артачиться,
Надменно взирая вокруг,
Когда вдруг в душе обозначится
Гордыни коварный недуг.

Николай ЗИНОВЬЕВ Есть причина сердцу биться...

Есть старый рецепт исцеления,
И он удивительно прост:
Сходить, все отбросив сомнения,
На старый забытый погост...

Как осиный рой в трубе,
Завелась в душе тревога.
Кто же я, по мнению Бога,
Коль противен сам себе?
Кто позволил мне при этом
Возмнить себя поэтом?
Как я смею без поста
Полагаться на Христа?
Как встревоженные осы,
Жалят душу мне вопросы...

ПАРАФРАЗ
*Мудрость мира сею
есть безумие пред Богом.*
ап. Павел

Во все века гляжу я разом,
И мне печально оттого,
Что бедствий всех
виной был разум,
А не отсутствие его.

Не мечтаю. Отменталось.
Это кара или милость?
Это, брат, пустяк и малость,
Главное – не отлюбилося.

Луг росой серебрится,
Дрок цветёт, река течёт,
Есть ещё во что влюбиться,
Есть причина сердцу биться,
Остальное всё – не в счёт.

Весь смысл написанных мной строк
Мне продиктован

лишь любовью.
Я за Победу, видит Бог,
Но самой-самой малой кровью...

ВЕСНА 2023 ГОДА
Зелень крон и свежа, и густа,
Почти теряя чувств палитру,
Но чернильница сердца пуста,
Только муха сухая на донце...

НА СОЛДАТСКОМ КЛАДБИЩЕ
Слова звучат, как донесенье:
России верные сыны,
Печально ваше новоселье
В объятьях вечной тишины.

В боях погибшие, вы с нами,
Для вас закончилась война.
А ветерок между крестами –
Взрывающая стихшая волна...

Вставав рассвет из-за насосной,
Дни были чудно хороши!..
Так почему ж почти несносна
Теперь ты, жизнь моя, скажи?

Но ничего не отвечает,
Молчит, как на крылечке мох.
Так что всё это означает?
В чём, вы ответьте мне, подвох?

Но и от вас не жду ответа,
Сам разгадал я это квест.
Я понял, это – крест поэта,
Поэта тяжеленный крест.

СОН
Ходил старик худой, как приведенье,
И спрашивал с улыбкой сатаны:
«Скажите мне, как ваше настроенье
За пять минут до ядерной войны?».

Мой дядька жил на Украине,
Мы в гости ездили к нему,
И я читал сестре Марине
Рассказ тургеневский «Муму».
Потом мы бегали к затону,
Купались, ели с ней сметану...
...А Лондону и Вашингтону
Я соблезновать не стану,
Когда придёт расплаты час
За то, что разлучили нас.

ФРОНТОВОЕ
Как и прадеды наши и деды,
Мы не все доживём до Победы,
Кто-то в снег упадёт, кто-то в пыль,
Это, братцы, не сказка, а быль.
Но однажды мы все, не таю,
Соберёмся в солдатском раю...

Идёт война, горят посёлки,
Как и бывает на войне,
Свистят не птицы, а осколки,
И смерть гуляет по стране.

Доколе, Господи, доколе?!
Господь всё знает, но молчит.
А по полу в разбитой школе
Сквозняк тетрадку волочит...

СОВРЕМЕННОМУ
В чередё безумных дней
Есть ночные промежутки,
И они мне также жутки
Пляской сумрачных теней,
И чем дальше, тем сильней.

Возвращает меня утром
Из реальности иной
Призрак старости немудрой,
А не тёплый свет дневной.

А хотелось бы... Хотелось
Душам близким свет нести,
Но не вышло, ну, не спелось,
Так бывает... Ты прости.

Россия борется теперь,
Россия сбросила оковы,
И будет День Победы новый,